

Книги
ЭНТОНИ ТРОЛЛОПА,
опубликованные
Издательством АЗБУКА

ВОТ ТАК
МЫ ТЕПЕРЬ
ЖИВЕМ

Барсетширские хроники

СМОТРИТЕЛЬ

БАРЧЕСТЕРСКИЕ
БАШНИ

ДОКТОР ТОРН

ФРАМЛЕЙСКИЙ
ПРИХОД

ОЛЛИНГТОНСКИЙ
МАЛЫЙ ДОМ

ПОСЛЕДНЯЯ ХРОНИКА
БАРСЕТА

Энтони Троллоп

БАРСЕТШИРСКИЕ ХРОНИКИ

ПОСЛЕДНЯЯ
ХРОНИКА
БАРСЕТА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 71

Anthony Trollope
THE LAST CHRONICLE OF BARSET

Перевод с английского Екатерины Доброхотовой-Майковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Иллюстрации Джорджа Хаусмана Томаса

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Джорджа Гудвина Килбёрна «Утро перед охотой»
и Луизы Ингрэм Рэйнер «Старый мост Элвет»

Троллоп Э.

Т 71 Барсетширские хроники : Последняя хроника Барсета : роман / Энтони Троллоп ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 864 с. : ил. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-26385-7

Энтони Троллоп — британский классик, современная популярность которого в англоязычном мире может сравниться разве что со славой Джейн Остин («Троллоп убивает меня своим мастерством», — писал в своем дневнике Лев Толстой), а «Барсетширские хроники» заслуженно считаются едва ли не главным его достижением.

«Последняя хроника Барсета» — роман, который сам Троллоп считал лучшей своей книгой. К обычным житейским коллизиям на сей раз добавляется детективный сюжет (должен же был друг Уилки Коллинза попросить себя и в этом жанре!). Бедного священника обвиняют в краже чека на двадцать фунтов, и барсетширское общество раскололось: одни уверены в его невиновности, другие так же уверены, что он вор, и требуют отстранить его от прихода еще до суда. Тем временем от решения присяжных зависит не только судьба самого священника, но и участь влюбленной пары...

Роман печатается с полным комплектом классических иллюстраций Джорджа Хаусмана Томаса, сопровождавших первое издание «Последней хроники Барсета» в приложении к журналу *Cornhill Magazine*.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-26385-7

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА I

Как он к нему попал?

— В жизни не поверю, Джон! — объявила Мэри Уокер, хорошенькая дочка сильвербриджского стряпчего мистера Джорджа Уокера.

Уокеры были люди в высшей степени респектабельные и, как это частенько бывает с провинциальными юристами, немного задирали нос. Контора «Уокер и Уинтроп» вела все дела в этой части Барсетшира; сам герцог Омниум пользовался ее услугами. Уокеры жили в большом кирпичном доме в центре города, давали обеды, до которых нередко снисходили сельские джентльмены, и в известной мере задавали сильвербриджскую моду.

— В жизни не поверю, Джон! — объявила мисс Уокер.

— Придется поверить, — ответил Джон, не отрываясь от книги.

— Священник... да еще такой!

— Не понимаю, при чем тут это. — Джон все-таки поднял глаза от книги. — Отчего священнику не оказаться вором, как любому другому? Вы, девицы, вечно забываете, что священники всего лишь люди.

— Как правило, они порядочнее других людей.

— Ничего подобного, — возразил Джон Уокер. — Ручаюсь, у священников в Барсетшире долгов поболее, чем у врачей

и юристов. Он всегда был в долгах. Сколько здесь живет, не смел показать нос на главной улице Сильвербриджа.

— Джон, нельзя так говорить, — вмешалась миссис Уокер.

— Матушка, он отдал чек мяснику, который угрожал расклеить по всему графству объявления с суммой его долга.

— Мистеру Флетчеру должно быть стыдно, — возразила Мэри. — Он разбогател на торговле мясом в Сильвербридже.

— И что с того? Каждый хочет получить свои деньги. Флетчер трижды писал епископу и шесть дней кряду посылал человека в Хогглсток требовать плату, прежде чем чего-то добился. Разумеется, лавочник должен думать о деньгах.

— Маменька, ты тоже считаешь, что мистер Кроули правда украл чек?

Задавая вопрос, Мэри подошла к матери и взволнованно заглянула ей в глаза.

— Я предпочла бы не высказываться по этому поводу, милая.

— Маменька, ты же что-то думаешь, когда все об этом говорят.

— Разумеется, матушка считает, что украл, — заявил Джон, возвращаясь к своей книге. — Ей никак невозможно думать иначе.

— Не надо выдумывать мои мысли или высказывать их за меня, Джон, — возмутилась миссис Уокер. — Все дело очень тягостное, а поскольку ваш отец участвует в расследовании, чем меньше о нем говорить в нашем доме, тем лучше. Я уверена, ваш отец того же мнения.

— Конечно, я не стану ничего говорить при нем, — сказала Мэри. — Знаю, папа не хочет, чтобы мы это обсуждали. Но ведь думать-то себе не запретишь! Это было бы так ужасно для всех нас, кто ходит в церковь.

— Я совершенно так не считаю, — возразил Джон. — Мистер Кроули не перестал быть обычным человеком оттого, что он священник. Ненавижу такие глупости. Многие у нас в Сильвербридже считают, что дело следовало замять, раз этот человек носит сан, при котором преступление еще преступнее.

— Но я уверена, мистер Кроули никакого преступления не совершал! — воскликнула Мэри.

— Милая, я только что просила тебя об этом не говорить, — сказала миссис Уокер. — Папа скоро придет.

— Не буду, маменька, только...

— Только! Да, только! — передразнил Джон. — Мэри будет говорить об этом до обеда, если кто-нибудь останется ее слушать.

— На каждое мое слово ты сказал два.

Однако Джон вышел из комнаты еще до того, как сестра закончила фразу.

— Знаешь, маменька, совершенно невозможно об этом не думать, — сказала Мэри.

— Да уж, милая.

— А когда знакома с людьми, то это так ужасно.

— Ты разве с ним знакома? Я в жизни не обменялась с миссис Кроули двумя словами и, кажется, даже не видела ее никогда.

— Я очень хорошо знаю Грейс с тех пор, как она училась в школе мисс Приттимен.

— Бедная девочка. Мне так ее жалко.

— Жалко! Не то слово, маменька. У меня сердце кровью обливается, когда я о них думаю. И все равно я и на секунду не поверю, будто он украл чек. Как такое может быть? Пусть даже он в долгах из-за того, что они очень-очень бедные, мы все знаем, какой он замечательный священник. Прошлый раз, когда Робартсы у нас обедали, миссис Робартс сказала, что в благочестии и преданности делу с ним никто не сравнится. А уж Робартсы знают священников лучше кого бы то ни было.

— Говорят, настоятель — очень близкий его друг.

— Жаль, что Эйрбины в отъезде, как раз когда у него неприятности.

Так мать с дочерью обсуждали, виноват ли священник, хотя незадолго до того миссис Уокер просила больше об этом не говорить. Однако миссис Уокер, как многие матери, с дочерью беседовала свободнее, чем с сыном. Тут вернулся из конторы отец, и разговор прекратился. Мистер Уокер был седой господин на шестом десятке, низенький, корпулентный, но одаренный той личной приятностью, какую обычно дают достаток и уважение окружающих. Те, кого все ценят, как правило, и ведут себя располагающе.

— Я очень устал, дорогая, — сказал мистер Уокер.

— Ты и выглядишь усталым. Присядь на минутку, прежде чем идти переодеваться. Мэри, принеси отцу домашние туфли.

Мэри побежала исполнять просьбу.

— Спасибо, милая, — сказал отец и, как только Мэри отошла настолько, что не могла его слышать, зашептал жене: — Боюсь, этот несчастный виновен. Боюсь, что да! Боюсь, что да!

— О Боже! Что с ними будет?

— Да, что с ними будет? Она сегодня у меня была.

— Вот как? И что ты мог ей сказать?

— Я сказал, что не могу ее принять, и просил не говорить со мной об этом деле. Пытался внушить, что ей надо обратиться к кому-нибудь другому. Бесполезно.

— И чем же все кончилось?

— Я просил ее пойти к тебе, но она сказала, ты ничем ей помочь не можешь.

— А она верит, что ее муж виновен?

— О нет! Верит! Ничто на земле — да и на небе, я полагаю, — не убедит ее, что такое возможно. Она пришла ко мне с одной целью — рассказать, какой он хороший.

— Замечательная женщина.

— Согласен. Но какой в этом прок? Спасибо, душенька. Когда-нибудь я тебе тоже принесу домашние туфли.

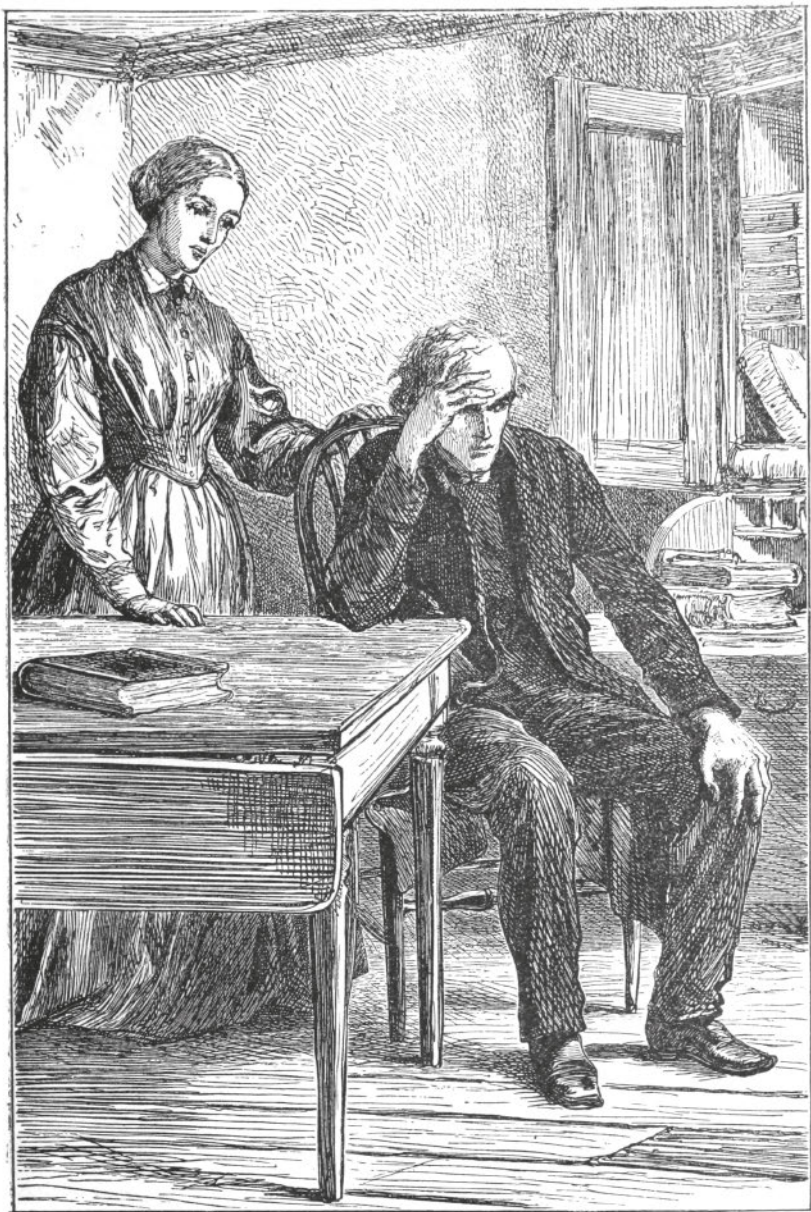
Все графство обсуждало предполагаемую вину преподобного Джосайи Кроули почти так же бурно, как семейство мистера Уокера в Сильвербридже. Ему вменяли кражу чека на двадцать фунтов, который он якобы похитил из бумажника, забытого либо потерянного в его доме, и рассчитался им с неким Флетчером, сильвербриджским мясником. Мистер Кроули был в ту пору постоянным куратором Хогглстока, прихода на северном краю Восточного Барсетшира. Все, знавшие мистера Кроули, знали также, что он очень беден — несчастный, мрачный, разочарованный человек, на чьи плечи тяготы мира ложились как будто двойной тяжестью. Тем не менее в профессиональном качестве все его неизменно уважали с тех самых пор, как старый друг, мистер Эйрбин, настоятель Барчестерского собора, дал ему нынешний маленький бенефиций. Мрачный, несчастный и разочарованный, мистер Кроули тем не менее усердно подвизался среди бедняков, к которым забросила его судьба, — в Хогглстоке жили по большей части малоимущие фермеры, рабочие кирпичной фабрики и тому подобный люд. К настоящему времени мистер

Кроули прослужил в Хогглстоке лет десять и все эти годы очень много трудился, силясь преподавать окружающим, быть может, чересчур много премудрости, но отчасти и утешения, какое дает религия. Нельзя сказать, что все в приходе его любили — такой человек нигде не будет популярен. Я назвал его мрачным и разочарованным. Хуже того, его угрюмость порой граничила с умопомешательством. Бывали дни, когда собственная жена поневоле обходилась с ним как с невменяемым. Фермеры между собой называли своего священника полоумным. Однако среди беднейших жителей прихода, кирпичников Хоггл-Энда — пьющих, грубых, необузданных, — хогглстокский курат пользовался величайшим уважением. Они знали, что он живет бедно, как они, добывает хлеб в поте лица, как они, мир к нему жесток, как к ним, видели его искреннее благочестие и то, как он бьется, чтобы, невзирая на тяготы, исполнить свой долг. Все это трогало даже грубые сердца, так что многие в приходе уважали мистера Кроули, несмотря на прискорбные особенности его характера. Таким был человек, которого теперь обвиняли в краже чека на двадцать фунтов.

Прежде чем изложить обстоятельства предполагаемой кражи, нужно добавить несколько слов о семействе мистера Кроули. Сказано, что добрая жена — венец для мужа своего, однако миссис Кроули была для него более чем венцом. Во всей домашней жизни — во всей той жизни, которую он проводил не за кафедрой и не за пастырскими посещениями, жена была ему венцом, троном и скипетром. Что она вместе с ним и ради него терпела нужду и все тяготы безрадостной жизни, быть может, не такая уж и заслуга. Она вышла за него к добру или к худу, а жены должны терпеть все, ведь, выходя замуж, они знают, что идут на риск. Мистер Кроули мог стать епископом, и миссис Кроули, выходя за него, возможно, думала, что так, скорее всего, и будет. Вместо этого он на пороге пятидесятилетия служил постоянным куратом с доходом сто тридцать фунтов годовых. Такая доля выпала миссис Кроули, и, разумеется, она все терпела. Однако миссис Кроули делала куда больше. Она сохраняла спокойствие — вернее, силилась казаться спокойной, — когда он бывал особенно несчастен и угрюм. Она всячески скрывала от мужа, что считает его полубезумным, обходилась с ним уважительно,

как с главой семьи, и в то же время прощала его, как больного или ребенка. Металл, из которого была сделана эта женщина, закалился в редкую и бесценную сталь, но муж того не видел. Он часто говорил, что она лишена гордости, потому что ради него и детей принимает от других то необходимое, на что у них самих не было средств. Он ругал ее попрошайкой, говорил, что лучше голодать, чем выпрашивать подачки. Миссис Кроули молча сносила упреки, а потом просила ради него, а сама голодала. Уже много лет бедность ее не унижала, но муж каждое новое свидетельство их бедности воспринимал как позор.

Детей у них было много, до той поры дожили трое. О старшей дочери, Грейс, мы в нашем повествовании услышим еще много. Ей недавно исполнилось девятнадцать, и некоторые говорили, что, несмотря на бедность, убогое платье, худобу и детскую несформированность (очертаниям ее тела явно не хватало округлости), Грейс Кроули — самая красивая девушка в здешних краях. Сейчас она жила в Сильвербридже, где последний год преподавала в школе. Поговаривали, что вопреки несчастьям, преследующим ее семью, будущность Грейс Кроули обеспечена — красоту в ее худеньком личике разглядел молодой майор Грантли из Косби-Лоджа, на которого, хоть он и был вдовец с маленьким ребенком, заглядывались все дамы в Сильвербридже и окрестностях. Боб Кроули, на два года младше сестры, учился в Мальборо и собирался поступать в Кембридж. Деньги на обучение обещал дать его крестный, настоятель Эйрбин, и весь свет считал это большой удачей. Однако в глазах мистера Кроули все было плохо. Да, Боб блистал в школе и мог прекрасно показать себя в Кембридже — добиться там огромных успехов. И все же мистер Кроули почти предпочел бы, чтобы мальчик работал в полях, а не учился на средства, столь явно благотворительные. А платье! Как одеть Боба для школы и колледжа? Впрочем, настоятель и миссис Кроули всё решили между собой, по обыкновению миссис Кроули оставив ее мужа в неведении. Была еще младшая дочь, Джейн. Она пока что жила дома и делила время между материным рукоделием и отцовским греческим, штопала белье и училась декламировать эпическую поэзию — ибо мистер Кроули с юности был большой знаток древних языков.

Мистер и миссис Кроули

И теперь на семью обрушилась беда. Что бедный мистер Кроули мало-помалу увяз в долгах, знали все и в Сильвербридже, и в Хогглстоке. Многие знали также, что настоятель Эйрбин против воли мистера Кроули заплатил его долги и мистер Кроули из-за этого с настоятелем поссорился, во всяком случае, сделал попытку поссориться, хотя деньги отчасти прошли через его руки. Один из кредиторов, сильвербриджский мясник Флетчер, особенно жестоко наседал на бедного мистера Кроули. Этот мясник, человек, в сущности, не скаредный, прослышал о щедрости настоятеля и заявил, что постоянный курат Хогглстока выказал бы большую гордость, если бы остался в долговой кабале у богатого собрата-священника, а не у мясника. Его слова многие повторяли. Затем мясник принялся засыпать письмами епископа — барчестерского епископа Прауди. Тот поручил своему капеллану на них ответить и довольно резко высказал мистеру Кроули, что думает о священнике, который ест мясо и не платит за него. Однако никакие епископские слова или дела не понудили мистера Кроули расплатиться с мясником. Мистеру Кроули было очень горько получать подобные письма от епископа Прауди, но письма приходили и оставляли незаживающие раны, и ничего не менялось. Наконец мясник пригрозил, если к такому-то числу долг не заплатят, напечатать объявления и расклеить по всему графству. Все в Сильвербридже, кто об этом слышал, очень сердились на мистера Флетчера — где это видано, чтобы лавочник себе такое позволял? Флетчер клялся, что так и поступит, а в свое оправдание напоминал, что с полгода назад, весной, мистер Кроули платил в Сильвербридже другим торговцам, а его обошел. «Он получил деньги от настоятеля в марте, — жаловался мистер Флетчер мистеру Уокеру, — и отдал двенадцать фунтов Грину и семнадцать Гробери, булочнику». Именно семнадцать фунтов, полученные булочником Гробери за муку, и возмутили мясника так, что он вознамерился сокрушить несчастного священника. «Он заплатил Холлу, и миссис Холт, и еще многим, а ко мне даже не заглянул. Если б он хотя бы зашел, я бы не стал поднимать шум». За день перед назначенной датой миссис Кроули пришла в Сильвербридж и отдала мяснику двадцать фунтов четырьмя бумажками по пять фунтов. Таким образом мясник Флетчер своего добился.

Месяца через полтора началось расследование касательно чека на двадцать фунтов, выписанного лордом Лофтоном на своих лондонских банкиров. Чек этот вместе с бумажником еще весной потерял мистер Сомс, порученец лорда Лофтона в Барчетшире. Мистер Сомс полагал, что оставил бумажник в доме мистера Кроули, и еще тогда высказывал полную в том уверенность. Раз в полгода мистер Сомс от имени лорда Лофтона выплачивал мистеру Кроули ренту в двадцать фунтов четыре шиллинга. Лорд Лофтон владел большими хогглстокскими десятинами, за что платил держателю бенефиция сорок фунтов восемь шиллингов в год. Сумму эту мистер Сомс, как правило, пунктуально отсылал по почте, однако в тот раз ему было нужно в Хогглсток по делам, и деньги он отдал мистеру Кроули в руки. Тут никаких сомнений не было. Однако выдал он их чеком, выписанным на собственных банкиров в Барчерстере, и этот чек был должным образом разменян на следующее утро. Вернувшись в Барчестер, мистер Сомс заметил пропажу и написал мистеру Кроули, не остался ли бумажник у него. Денег в бумажнике не было, только чек лорда Лофтона на двадцать фунтов. Мистер Кроули ответил, что никакого бумажника у него дома не находили. Все это произошло в марте.

В октябре мистер Кроули заплатил двадцать фунтов мяснику Флетчеру, а в ноябре чек лорда Лофтона проследили до мистера Кроули через барчестерский банк. Туда с этим чеком (выписанным на другой банк, лондонский) пришел хоггл-эндский кирпичник, которого мистер Кроули особо отличал. В первый раз ему отказали, но на другой день он принес тот же чек с подписью мистера Кроули на обороте и запиской от мистера Кроули, после чего деньги ему выдали. Днем позже миссис Кроули расплатилась с мясником Флетчером такими же купюрами. Когда началось расследование, мистер Кроули сказал, что получил этот чек от мистера Сомса в уплату ренты от лорда Лофтона. Неверность этого утверждения обнаружилась сразу. Был чек, подписанный самим мистером Сомсом, на точную сумму — двадцать фунтов четыре шиллинга. Мистер Сомс подтвердил, что в жизни не расплачивался за лорда Лофтона чеками, выписанными его милостью. Чек, полученный от лорда Лофтона и затем утерянный, был их частным делом. Его милости потребовались

наличные, и порученец их ему дал. Мистера Кроули уличили, что он сообщил неверные сведения о том, откуда у него чек.

Мистер Кроули сделался чрезвычайно мрачен и отказался говорить что-либо еще. Однако его жена, ничего не зная о первом его утверждении, объявила, что чек, как ей думается, был частью денег, подаренных ее мужу настоятелем Эйрбином в апреле. Подарок вызвал бурное негодование, и она не посмела говорить на эту тему с мужем. Гробери, булочник, угрожал подать на взыскание долга, и настоятель об этом прослышал. В настоятельском доме между мистером Кроули, настоятелем и миссис Эйрбин произошла сцена, о которой миссис Кроули позже узнала от миссис Эйрбин — та сказала, что мистер Кроули в конце концов согласился взять деньги. Собственно, это явствовало уже из того, что он погасил долги почти на пятьдесят фунтов. Затем денег стал требовать мясник, угрожая ослабить священника на все графство, что, по словам миссис Кроули, привело ее мужа в ужасное состояние духа. Все это она изложила мистеру Уокеру, стряпчему, ведущему расследование. Бедная женщина по крайней мере ничего не скрывала. Как-то утром муж сказал ей, что у него еще остались деньги, которые он надеялся не трогать, и вручил ей четыре пятифунтовые бумажки с поручением пойти в Сильвербридж и удовлетворить человека, алчущего его денег. Произнесено это было так, что миссис Кроули не посмела ничего попытаться, а исполнила поручение, не сомневаясь, что деньги подарены настоятелем. Таков был ее рассказ.

Но как она объяснит первое заявление мужа, оказавшееся совершенно ложным? Такой вопрос задал миссис Кроули мистер Уокер. Стряпчий беседовал с ней очень мягко. На первых порах он хотел лишь установить истину и снять со священника подозрения. Позже, когда дело дошло до официального расследования, он бы не принял миссис Кроули, если бы не ее настойчивость. «Мистер Уокер, — ответила она, — вы не знаете моего мужа. Никто его не знает, кроме меня. Очень трудно рассказывать вам о всех наших бедах». — «Если я могу их облегчить, поверьте, я это сделаю», — ответил стряпчий. «Думаю, никто в мире не может их облегчить. Увы, мой муж подчас не ведает, что говорит. Когда он заявил, что деньги заплатил ему мистер Сомс, он, безусловно,

так думал. Бывают дни, когда он из-за своих терзаний сам не понимает, что говорит... когда он ничего не помнит».

До тех пор мистер Уокер не подозревал мистера Кроули ни в чем бесчестном, не заподозрил и тогда. Несчастный, вероятно, получил деньги от настоятеля и солгал, не желая признавать, что принимает помощь богатого друга. Он поступил очень глупо, вот и все. Мистер Сомс смотрел на дело куда менее благодушно. «Как мой бумажник мог попасть к доктору Эйрбину? — почти торжествующе спросил мистер Сомс. — И к тому же я уверен, что оставил его в доме у Кроули!»

Мистер Уокер написал настоятелю, который был тогда во Флоренции по пути в Рим, откуда намеревался ехать в Святую землю. В ответном письме мистер Эйрбин сообщил, что семнадцатого марта в библиотеке своего дома отдал мистеру Кроули пятьдесят фунтов десятью пятифунтовыми ассигнациями Банка Англии. Письмо было коротким, можно даже сказать резким. Мистер Уокер, стремясь помочь мистеру Кроули, просто задал вопрос о передаче денег между настоятелем и его другом, присовокупив, что ответ доктора Эйрбина поможет разрешить одну мелкую загадку касательно чека на двадцать фунтов. В письме стряпчему настоятель привел лишь упомянутые выше факты, но тут же написал мистеру Кроули письмо, в котором просил объяснить, в чем состоит затруднение, и предлагал любую возможную помощь. Он изложил все обстоятельства передачи денег, насколько их помнил. Сумма точно составляла пятьдесят фунтов и точно пятифунтовыми ассигнациями Банка Англии. Деньги он положил в конверт, который не запечатал, но написал на нем имя мистера Кроули и вложил его другу в руки. Дальше настоятель добавил, что миссис Эйрбин тоже бы написала, но она сейчас в Париже с сыном. Миссис Эйрбин останется в Париже на время поездки мужа в Святую землю, а затем встретится с ним в Италии. Поскольку она значительно ближе, настоятель выразил надежду, что миссис Кроули в случае любых неприятностей обратится к ней.

Для мистера Уокера письмо закрыло вопрос с настоятельскими деньгами. Мистер Кроули не получил чек лорда Лофтона от доктора Эйрбина. Так как же он его получил? Стряпчий велел бедной женщине еще раз порасспросить мужа. Ах, кто сумел бы описать весь ужас сцен между двумя несчастными, когда жена

пыталась выяснить правду у полуобезумевшего страдальца! В его абсолютной честности она не сомневалась и на миг, не сомневалась и в том, что он пытается говорить правду в той мере, в какой замутненная память позволяет ему отличать правду от вымысла. Муж, по его словам, по-прежнему думал, что получил деньги от настоятеля. То он утверждал, что не хотел их тратить без крайней надобности, то — что забыл о них, поскольку Эйрбин говорил про пятьдесят фунтов, а дал больше. Если эти деньги не от настоятеля, значит их подбросил князь тьмы, дабы окончательно его погубить. Порой несчастный как будто и впрямь верил, что роковой чек попал к нему именно таким способом. Все, что он говорил, было путано, противоречиво, невразумительно, почти как речи безумца. Заканчивал он всегда тем, что не силах больше сносить жестокость мира, что воды поднялись до главы его, и молил Бога смилостивиться и забрать его из этой юдоли слез. Вряд ли надо говорить, что в те дни бедная жена несла на плечах бремя, способное раздавить любую женщину.

Наконец она созналась мистеру Уокеру, что не смогла выяснить, откуда взялись двадцать фунтов. Она сама написала бы настоятелю, если бы надеялась, что он сможет чем-нибудь помочь. «Настоятель ответил очень ясно, — сказал мистер Уокер. — Он дал мистеру Кроули пять десятифунтовых банкнот, и мы знаем, с кем мистер Кроули ими расплатился». На это миссис Кроули ничего сказать не могла, только повторяла, что ее муж ни в чем не виновен.

ГЛАВА II

Клянусь небом, пусть только посмеет!

Прежде чем знакомить читателя с семейством мистера Кроули в хогглстокском доме, я попрошу разрешения представить майора Грантли из Косби-Лоджа. Как уже говорилось, майор Грантли был неравнодушен к Грейс Кроули. Многие в округе намекали, что Кроули при всем их благочестивом смирении не так уж простодушны, а кое-кто из Грантли показал себя — мягко выражаясь — не слишком умным. А ведь Барсетшир не знал семьи более искушенной в делах как дольного мира, так и горного, чем та, которую возглавлял архидьякон Грантли. Добрейшая миссис Уокер не понимала, что майор нашел в Грейс Кроули. Мистер Уокер, пожимая плечами, говорил, что у майора Грантли нет за душой ничего, кроме половинного жалованья и состояния покойной жены, а это всего лишь шесть тысяч фунтов. Злые языки уверяли, что Грейс Кроули немногим лучше нищенки и ей негде было набраться хороших манер. Мясник Флетчер гадал, заплатит ли майор долги будущего тестя, а старый сильвербриджский ректор доктор Темпест, отец четырех девиц на выданье, морщил стариковский нос и высказывался в том смысле, что отставных майоров запросто не окрутишь.

Так или примерно так говорили сильвербриджцы. Однако дело с большим беспокойством обсуждали и за пределами Сильвербриджа, на семейном конклаве в архидьяконском доме. Для тех, кто еще не знаком с доктором Грантли, скажу, что в ту пору он, как и много лет до того, был архидьяконом Барчестера и ректором Пламстеда. Доктор Грантли всегда жил в богатстве и благополучии, хотя, как мы все, не избежал горьких сожалений — у него они главным образом проистекали от невозможности получить тот высокий сан, которого алкала его душа и к которому

вся прошлая жизнь подготовила его как нельзя лучше. Теперь, в первую пору своей старости, архидьякон перестал желать, но не перестал сожалеть. Он уже не желал ничего для себя, но для детей по-прежнему желал много, и брак сына с дочерью Кроули представлялся ему несчастьем почти смертельным. «Меня это убьет, — сказал он жене. — Клянусь небом, это сведет меня в могилу!»

Дочь архидьякона сделала блестящую партию — настолько блестящую, что история была в свое время на слуху у всей английской знати, а те, кто следит за фамильными связями пэров, не забыли ее и до сих пор. Гризельда Грантли вышла за лорда Дубелло, который приходился старшим сыном маркизу Хартлтопу, величайшему из английских аристократов, если мерить величие обширностью земель, обилием замков и числом орденовских лент. Ныне она была маркизой Хартлтоп и матерью собственного маленького лорда Дубелло, а родимый дом навещала редко, поскольку вращалась теперь в совершенно иных сферах. Множество обязанностей не позволяло маркизе часто снисходить до провинциального духовенства, к которому принадлежали ее родители. Те не обижались; выпуская свою счастливницу-дочь в высшее общество, они знали, что так и будет. Однако со времен своего августейшего замужества она изредка склоняла венчанную главу на подушку в старом ректорском доме, и в те день-два все в Пламстеде бывали счастливы оказанной им честью. Так случилось, что второй и более сильный порыв зловещего ветра — слух, что майор Грантли пленился мисс Грейс Кроули, ставший от повторения еще более убедительным, — достиг ректорского дома в то самое время, когда Гризельда, маркиза Хартлтоп, почтила своим присутствием отцовский кров. Едва ли надо говорить, что отец немедленно обратился за советом и помощью к такой дочери и сестре.

Я не уверен, что мать, будь ее воля, стала бы советоваться с дочерью. Миссис Грантли нежно любила Гризельду и очень гордилась ее успехом, но в последние годы они уже не были близки, как когда-то, что, быть может, вполне естественно. Для архидьякона Гризельда, маркиза Хартлтоп, оставалась дочерью независимо от того, видятся они или нет. Ничто не лишило бы его чести зваться отцом маркизы, даже полное ее отчуждение. Иное

дело миссис Грантли. Гризельда очень хорошо устроилась в жизни, и миссис Грантли ликовала, но она утратила дитя. А вот майор, который тоже устроился неплохо, хоть и не настолько, по-прежнему был ее ребенком, вращался в той же жизненной сфере, что и она, все еще в значительной степени зависел от родительских денег, жил по соседству, часто навещал ректорский дом, и принимали его по-семейному, без тех церемоний, которых требовали редкие наезды маркизы. Оттого-то миссис Грантли, как ни боялась, что сын женится на девушке, стоящей так низко на общественной ступени, не заговорила бы об этом с дочерью. Маркиза в собственной семье, безусловно, могучая опора, но к некоторым советчикам нам не хочется обращаться из опасений, что они подавят нас своей мощью. Миссис Грантли, безусловно, не желала уступать титулованной дочери материнскую власть.

Однако титулованную дочь спросили, и та дала свой совет. В тот визит она сооблаговолила провести под родительским кровом целых две ночи, и на второй вечер брат-майор должен был приехать с ней повидаться. Перед его приездом и обсуждали слухи о Грейс Кроули.

— Это разобьет мне сердце, Гризельда, — жалобно проговорил архидьякон, — и твоей матери тоже.

— Про саму девушку ничего дурного сказать нельзя, — заметила миссис Грантли, — и отец ее по рождению джентльмен, но для Генри такой брак был бы крайне нежелателен.

— А тут еще эта ужасная история, — прибавил архидьякон.

— Не думаю, чтобы там правда что-то было, — ответила миссис Грантли.

— Не знаю, не знаю. Сегодня в Барчестере мне сказали, что Сомс будет подавать на него в суд.

— Кто такой Сомс, папа? — спросила маркиза.

— Порученец лорда Лофтона, дорогая.

— Ах, порученец лорда Лофтона! — Имя лорда Лофтона она произнесла с легким оттенком презрения.

— Мне сказали, — продолжал архидьякон, — что, по словам Сомса, чек был из бумажника, забытого им в доме у Кроули.

— Архидьякон, ты же не хочешь сказать, что мистер Кроули — служитель церкви — украл бумажник! — воскликнула миссис Грантли.

— Я ничего подобного не утверждаю, но, даже если мистер Кроули кристально честен, ты не захочешь, чтобы Генри женился на его дочери.

— Безусловно, — ответила мать. — Это был бы неподобающий брак. У бедной девушки нет никаких достоинств.

— Он не может даже расплатиться с булочником. Я всегда считал, что Эйрбин совершил большую ошибку, дав такому человеку Хогглстокский приход. Разумеется, семейному там жить невозможно.

Эйрбином он называл доктора Эйрбина, настоятеля Барчестерского собора. Настоятель и архидьякон были свояками и дружили семьями.

— В конце концов, это могут оказаться просто слухи, — напомнила миссис Грантли.

— Фодергилл только вчера сказал мне, что Генри видится с нею почти каждый день, — возразил отец. — Что нам делать, Гризельда? Ты знаешь, какой он упрямый.

Маркиза смотрела в огонь и покамест молчала.

— Ничего сделать нельзя, но ты должен сказать ему, что думаешь, — заметила мать.

— Возможно, будет лучше, если с ним поговорит сестра, — возразил архидьякон.

На это миссис Грантли ничего не ответила, но дочь прекрасно поняла, что мать верит в нее куда меньше отца. Леди Хартлтоп ничего не отвечала, только сидела с бесстрастным выражением, устремив взгляд на камин.

— Думаю, Гризельда, если ты объяснишь Генри, что он опозорит семью, он устыдится и откажется от мысли об этом браке, — сказал отец. — Он почувствует, что его родство с лордом Хартлтопом...

— Сомневаюсь, что он что-нибудь такое почувствует, — заметила миссис Грантли.

— Я согласна с маменькой.

— Я уверен, что он должен это чувствовать, — упорствовал отец.

Некоторое время все трое молча глядели в огонь.

— Полагаю, папа, ты платишь Генри содержание, — через какое-то время проговорила леди Хартлтоп.

ЭНТОНИ ТРОЛЛОП

БАРСЕТШИРСКИЕ ХРОНИКИ ПОСЛЕДНЯЯ ХРОНИКА БАРСЕТА

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Майя Лахути

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова

Корректоры Ирина Игнатъева, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.07.2026.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.

Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®.	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-35369-01-R